

УДК 341.111.52+340.12

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, ВРИД начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: НА ПОРОГЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Обосновывается необходимость введения принципиально нового типа анализа субъектности в праве, способного адекватно фиксировать глобализационные изменения в национальном правовом пространстве. Рассматривая глобализацию не через институциональные, а через антропологические изменения, т. е. через распространение новых моделей правового поведения, при законодательном конструировании правовой субъектности автор предлагает анализировать не экспортируемый из глобального правового пространства нормативный образ субъекта права, а модель правового человека, которая представляет собой становящуюся правовую субъективность, складывающуюся как под воздействием дискурсивных юридических практик, так и под воздействием техник себя, в которых реальный субъект права обращается к себе по поводу юридического.

In the article necessity of entering of essentially new type of the analysis subjectivity in the law is proved, capable adequately to fix globalisation changes in national law space. Considering globalisation not through institutional, and through anthropological changes, i.e. through distribution of new models of legal behaviour, at legislative designing legal subjectivity the author suggests to analyze a standard image of the person of law not exported from global legal space, and model of the legal person which represents the becoming legal subjectivity developing both under influence discursive legal practice, and under influence the technician of in which the real subject of law addresses to itself concerning the legal.

Помимо инструментальных возможностей права по регулированию отношений в обществе его значение также заключается в сохранении и трансляции социальной онтологии. Право нормативным порядком задает онтологическую матрицу в обществе, которую оно фиксирует своеобразным путем в зависимости от ситуации, в которой происходит его формирование. До недавнего времени было очевидно, что в этом плане право так или иначе отражает основные предикаты мироустройства конкретного общества. Правовая онтология в таком случае концентрированно выражает себя через правовую аксиологию, т. е. через те ценности общества, которые легитимируются в правовых текстах. Для этого как минимум необходимы два условия: во-первых, наличие самого общества в традиционном понимании (цельное общество, объединенное прежде всего общим полем антропологических практик как типов видения и освоения мира) и, во-вторых, наличие иерархизированных социальных ценностей, которые в цельном обществе всегда кристаллизуются. Наличие этих двух условий обеспечивает такую конфигурацию социальности, которая может воспроизводиться и поддерживаться правовой системой.

Во второй половине XX в. наступила ситуация постмодерна. В обществе постмодерна, как одним из первых на Западе его охарактеризовал Ж.-Ф. Лиотар, происходит утрата легитимации метанарративов, которые ранее выполняли роль социальных скреп. Системы ценностей, в том числе поддерживаемые национальными системами права, под воздействием экономических, технологических, политических, культурных и иных факторов стали подвергаться девальвации. Вслед за этим началась девальвация самого национального государства. «Идея, что знания принадлежат „мозгу“ или „духу“ общества, а значит – Государству, – говорит Ж.-Ф. Лиотар, – постепенно отживает по мере усиления обратного принципа, согласно которому общество существует и развивается только тогда, когда сообщения, циркулирующие в нем, насыщены информацией и легко декодируются. Государство начинает проявлять себя как фактор непроницаемости и „шума“ для идеологии коммуникационной „прозрачности“, которая идет в паре с коммерциализацией знаний» [4, с. 20–21]. В итоге возникает концепция минимального государства. Традиционное государство рассматривается исключительно как репрессивная субстанция. Всякие границы и ограничения, в том числе государственные границы, должны быть сняты, чему активно способствуют открытые в 60–80-х гг. XX в. технологии (IT). На смену государству постепенно приходит идея глобального пространства, в котором должны быть переплавлены все локальные идиомы, все своеобразные культурные сегменты, в том числе и национальное право. Так возникает противоречие национального правового уклада и глобализационных процессов, которые изначально фундированы на универсалистской платформе.

Национальное право и глобализация. Национальные правовые системы связаны определенным полем антропологических практик и ценностной сеткой общества. Причем трансляция и воспроизводство правового содержания специфическим образом сцеплены с антропологиче-

скими практиками и работой социальных ценностей. Формально-юридический анализ нормативности не может артикулировать конкретное место связи определенной нормы права с конкретными антропопрактиками и ценностями, как правило, эта взаимосвязь проявляет себя в работе правовых принципов, а также в контекстуальной правовой среде, в которой происходит реализация права. Тем не менее очевидно, что правореализация растворена в ценностно-антропной среде конкретного социума.

Помимо последней в параметрах общества важнейшее значение имеет определенный тип экономического воспроизводства и потребления, культивируемый в качестве наиболее распространенной модели. По сути, речь идет о потреблении как об отношении к вещам и типе такого отношения, его места в сетке социальных ценностей и структуре антропологических практик. Следует особо отметить, что тип потребления всегда соответствует как социальным ценностям, так и преобладающим в обществе поведенческим стратегиям. Такие характеристики, как «ценности», «практики», «потребление», находятся в связке, они взаимообуславливают друг друга и создают конфигурацию, характеризующую социальный организм в целом. Поскольку глобализация разворачивается главным образом как экономическая глобализация (т. е. как глобализация на уровне экономики и финансов (чему, опять же, способствуют открытые в XX в. технологии)), постольку глобальные процессы затрагивают в первую очередь сферу отношений с вещами, а за ней, следовательно, и антропологические практики, и социальные ценности, постепенно, таким образом, изменяя всю конфигурацию социума. Глобализация, если говорить обобщенно, осуществляет экспорт того типа практик, который, став общепринятым на Западе во второй половине XX в., был квалифицирован Ж. Бодрийяром как «общество потребления». Потребление в этом смысле выступает не просто как одна из традиционных антропопрактик, а как мифологизированная «идея о потреблении», «потребленный образ потребления», в котором потребление становится всепоглощающей практикой, «знаком новой общественной реальности», рождающей новую «родовую мифологию, мораль современности» [1, с. 242].

Антропопрактики глобализации. Актуальность вопроса о новых моделях поведения, которые приходят вместе с глобализацией, невозможно переоценить – всякое государство, пытающееся сегодня сохранить свою цивилизационно-культурную уникальность, озабочено данной проблемой. Последняя заключается в том, что через глобализационные тренды приходит не новое законодательство, прежде всего люди осваивают новые типы отношения к себе и миру. Главным из этих отношений, что соответствует самой логике глобализма, является отношение потребления как специфическая антропная модель. Ее суть заключается в доминировании потребления и в потребительском отношении ко всему, в том числе и к правовым установлениям.

В свою очередь в обществах, сохраняющих локальную среду собственных цивилизационно-культурных смыслов и социальных ценностей, практики потребления как отношения с вещами располагаются на нижних этажах социальной онтологии. В иерархии ценностей таких обществ потребление вещей всегда подчинено более высоким по значимости смыслам (религиозным, нравственным и т. д.). Таким образом, происходит столкновение, точнее, тихая встреча (поскольку глобализация приходит тихо, под видом естественности) двух типов антропопрактик, двух моделей социальности. И встреча эта происходит в конкретном человеке, пространстве его жизненного мира, в том числе в поле его правового поведения.

Беларусь, на наш взгляд, относится к обществам, сохранившим значительный пласт самобытных антропопрактик, хотя в поведенческом плане они прямо могут и не артикулироваться. Во многом их трансляция обеспечивается превалярованием среди населения поколения, сформировавшегося в советское время. Однако постсоветское поколение, молодежь, легко воспринимает практики глобализма, которые, отметим еще раз, в своем ядре основаны на технике потребления (пусть даже это потребление IT-продуктов (последние 10–15 лет)), которое принципиально отличается от классического потребления на Западе в 70–90-х гг. XX в., что связано с освоением реальности нового вида (виртуальной реальности), поэтому встреча двух типов практик неизбежна. Риски, которые таятся в глобальной экономике, значительно ускоряют момент встречи, что, например, особенно наглядно показывает недавняя ситуация на рынке финансов. В этой ситуации, что показательно, выявляется степень традиционности общества, так сказать, предел социального аскетизма, выставленного на суд общества потребления. Этот

предел является показателем здоровья общества, сохранения его цивилизационно-культурного потенциала.

Право в ситуации постмодерна. Право, ранее отвечая за нормативное формирование субъекта в своем поле, делало это традиционно. Наличие социально-онтологической прозрачности правовых установлений (социальные ценности – модели поведения – модели правового поведения) позволяло праву выступать в качестве социальной скрепы, в нем обнаруживались социальные ценности, прежде всего социальная справедливость.

Право же нового, глобализирующегося общества уже не должно претендовать на отражение социальной онтологии. Право выступает лишь автономной от социума сугубо инструментальной системой разрешения правовых ситуаций. Обосновывая именно такую траекторию развития права в обществе постмодерна, современный немецкий правовед К.-Х. Ладёр отмечает, что более «право не претендует на доступ к „справедливости“ как таковой» [3, с. 19]. Это обусловлено новой структурой социального, оформленной под влиянием глобализма. В ситуации постмодерна «общество лишилось центра... индивид больше не может расцениваться как его базовый элемент... общество состоит не из индивидов, а из коммуникаций» (курсив наш. – В.П.) [3, с. 20]. В таких условиях «эпистемологической основой общества является „не истина“, а „мнение“ индивидов и опыт, основанный на процессах проб и ошибок». К.-Х. Ладёр уверен, что «идея единства общества становится бессмысленной... на смену приходит концепт относительной рациональности в пределах „транссубъективной“ гетерархичной „сети сетей“ с различными фрагментарными рациональностями (экономики, политики, права и т. д.)» [3, с. 28]. В итоге дальнейшее нормальное развитие общества в ситуации глобального мира возможно лишь на основе «глобального права за пределами государства» [3, с. 36], которое создается на основании «социально-юридических трансакций» различных частных субъектов (игроков рынка).

Столь радикальный прогноз немецкого правоведа вызывает принципиальные возражения, несмотря на корпус обширной аргументации, приводимый ученым в своей статье. Даже тот фактор, что подобные взгляды формулируются в условиях современной западноевропейской реальности, тем не менее, не делает концепцию К.-Х. Ладёра убедительной, поскольку изображаемая картина «общества коммуникаций» означает «конец социального» (Ж. Бодрийяр) в квадрате. Возникает вопрос: что это за люди и что это за общество, которое существует на базе «мнения», в условиях отсутствия «истины» и т. д., а самое главное, какой тип правового поведения будет превалировать в нем, какой станет нравственная природа правового поступка? Ведь главный вопрос любого общества, в том числе и его правовой системы, – это вопрос антропологический: какой тип человека воспроизводится и доминирует в пространстве социального? Даже если это общество постмодерна, в том числе общество, предположим (как это делает К.-Х. Ладёр), работающее на принципах высоко организованных и разветвленных сетей, систем коммуникаций, – вопрос человека все равно не снимается. Сеть, коммуникация, какого бы высокого уровня самоорганизации они ни были, все равно не упраздняют антропологический вопрос (это станет возможным, вероятно, только в условиях полной реализации программы трансгуманизма, когда человек будет заменен киборгом и (или) мутантом [12]). Самые ярые критики субъективности (новоевропейской концепции субъекта), идеологи постмодернизма, после периода разворачивания программы «смерти субъекта», также вернулись на позиции его «воскрешения», что является подтверждением невозможности проективной интеллектуальной работы при игнорировании проблемы человека. Это также подтверждает важность именно антропологического вопроса для современной ситуации, опять же, повторимся, характеризующейся столкновением глобального проекта с локальными пространствами именно в поле антропологических практик. Другой вопрос: как преодолеть событие «смерти субъекта» так, чтобы не упустить при этом из вида человека?

Субъективизация. Для преодоления, с одной стороны, классической новоевропейской редукции человека к субъекту как рациональной *cogito*-субстанции, сегодня уже не способной адекватно объяснять реальность, с другой – нивелирования субъективности в безликих сетевых стратегиях, имеет смысл обратиться к такому типу антропоанализа, в котором будет фигурировать цельный человек – такой, какой он есть в различных социальных практиках. Такой антропоанализ предполагает фиксацию цельности посредством рассмотрения человека не в качестве трансцендентальной *cogito*-субстанции (субъекта), а в качестве специфического опыта,

в котором являет и выражает себя субъект. Перенос акцента с трансцендентального представления о субъекте на опытную почву, т. е. на первичные досубъектные основания, которые формируют человеческую субъективность, позволил предпринять анализ «мест и функций, которые обнаружили освобождением от субъекта» [2, с. 56]. Для экспликации этого опыта в постнеклассической мысли были выработаны концепты, предоставляющие такие возможности, прежде всего – это концепт «субъективация».

Субъективация – это процесс становления субъекта, становящаяся субъективность. Классическая (картезианско-кантианская) концепция субъекта ввиду изменения антропологической реальности к середине XX в. (особенно на Западе) фактически утратила свое эпистемологическое значение. Ее место заняло новое понимание субъекта.

В отличие от концепции субъекта, которая разворачивается в эссенциальном дискурсе – дискурсе сущностей – и следовательно рассматривает субъект как изначально завершенную, состоявшуюся и конституированную субстанцию (*cogito ergo sum*) на базе сознания-мышления, субъективация представляет собой «возможный модус интенсивного существования, субъективное событие, которому всегда недостает субъекта» [6, с. 17]. В субъективации, повторимся, нет субъекта, в ней есть лишь его непрерывное становление, экзистирование. «Субъективацией, – говорит М. Фуко, – я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» [7, с. 284]. Субъективации поэтому соответствует неэссенциальный, энергийный дискурс, который рассматривает содержания, отвечающие за становление субъекта, не как сущности, а как энергии. Как отмечает в связи с этим С.С. Хоружий, универсальная проблема выстраивания нового типа субъектности заключается в том, чтобы «раскрыть конституцию и идентичность человека в их внутреннем механизме, как события, динамические факты; или, иными словами, описать их в измерении бытия-действия, где размещаются акты и ростки актов». Таким образом, субъективация рассматривается как «динамическая парадигма конституции человеческого существа в дискурсе, представляющем антропологическую реальность в измерении бытия-действия» [11, с. 77].

Заметно, что в отличие от классической концепции субъекта в новой парадигме происходит пересмотр конституирующих содержаний, которые являются не чем иным, как содержаниями сознания. Вместе с тем речь идет не о картезианском *cogito*-сознании как мышлении, но о сознании-конституировании, сцепленном с техниками субъективации, антропологическими практиками. Если картезианская субъектология выстраивалась на базе постулирования сознания как *cogito*-рационализации, которая и выступала абсолютной причиной и условием существования субъекта, то постнеклассические концепции субъектности изменили отношение к сознанию (сознанию-мышлению) в целом. Эпохальным событием стало введение М. Хайдеггером экзистенциальной аналитики *Dasein*, которая задала новую модальность видения человека, точнее, его экзистенции. «„Сущность“ присутствия (*Dasein*), – говорит М. Хайдеггер, – заключена в его экзистенции» [10, с. 31]. Поэтому, как отмечает А.Е. Смирнов, «*Dasein* не имеет сущности; определяющим для него является не сущность, но способ существования...». И далее: «*Dasein* не может пониматься как субъект. Смысл введения понятия *Dasein* заключается в том, что оно призвано схватывать в своем содержании то, что относится к (человеческому) существованию, а не сознанию. *Dasein* не мыслимо в перспективе субъективности. *Dasein* – выражение субъектности» (курсив наш. – В.Л.) [5, с. 33].

Таким образом, новая модель субъекта связывается не с опытом рационального присвоения мира, выстроенного из априорных *cogito*-оснований, но с реальными техниками, практиками субъективации, конституирующими субъекта. Иными словами, прежняя традиция понимания субъекта как завершенной и абсолютно самоопознанной субстанции, представляющей мир через его познание-присвоение, сменяется программой понимания субъекта как становящегося, возделывающего себя образования. Разумеется, что поскольку такое возделывание субъектом самого себя разворачивается не изолированно, а всегда в том или ином социальном значимом пространстве, постольку в конституировании субъекта имеют значение не только практики самосубъективации, но и порядок дискурса, в котором происходит субъектное становление. С этой позиции особую значимость представляет рассмотрение юридического дискурса как поля практик, которые с внешней стороны определяют человека в качестве субъекта

права, или объективируют его субъективность. Однако эта тема заслуживает специального самостоятельного рассмотрения. В данной же статье нас интересует только внутренняя сторона субъективации, которая формируется практиками себя.

Концепт «правовой человек» и правовая субъективация. Практики себя. В теории права эпистемологический переход от классической концепции субъекта права к концепции его присутствия, экзистенции, возможно осуществить разными путями. Мы предлагаем это сделать через введение концепта «правовой человек». Хотя в постнеклассическом дискурсе классическая антропология (М. Шелер) была скомпрометирована, тем не менее сегодня поиск новой эпистемологической модели человека остается актуальным [13]. Термин «человек» поэтому фундирован у нас не классическим антропологическим мотивом (как *cogito*-субстанция прежде всего), но, скорее, мотивом экзистенциальным, пропущенным через техники субъективации.

Введение «правового человека» имеет целью обогатить юридический дискурс новым пониманием действующего в правовом пространстве человека не как нормативного субъекта, отмысленного на основании правового статуса и положения (а такого субъекта просто нет), но как реально действующего человека в праве. Правовой человек – это не нормативно завершённый, оформленный субъект права. Правовой человек – это человек, реально экзистирующий в государственно-правовом пространстве.

Такое видение достигается преодолением классической новоевропейской картины субъекта права как эссенциального образования (в праве эссенциализация обеспечивается нормативностью) за счет возведения на базе старой, классической модели субъекта права второго аналитического этажа – этажа правовой субъективации. В такого рода правовом анализе мы уже смотрим не только на эссенциальный слой субъектности, но и на тот слой, который отвечает за ее произведение (в смысле выведения к присутствию). Субъект в таком случае сменяется правовым человеком. Вернее, правовой человек производит субъекта права. В чем разница между субъектом права и правовым человеком? В том же, в чем разница между субъектом и субъективацией, о чем мы говорили выше. Произведение субъекта права из правовой субъективации (правового человека) означает следующее. Когда мы пытаемся зафиксировать субъекта права как реально действующую в нормативном пространстве в той или иной отрасли законодательства, в той или иной конкретной юридически значимой ситуации сторону (антропологический анализ при этом может быть направлен как на ведущего, профессионального агента правового поля – законодателя, правоприменителя, так и на ведомого агента, агента правового воздействия – стороны гражданско-правового, хозяйственно-правового договора, правонарушителя и др.), но при этом не останавливаемся лишь на нормативной констатации субъекта, а включаем его описание через правового человека, то таким образом при субъектной характеристике (его параметры, свойства) мы учитываем не только нормативную данность, но в первую очередь практики правовой субъективации, разворачивающиеся в этом конкретном правовом поле, конкретной области правореализации, в том числе под влиянием общего порядка господствующих дискурсивных юридических практик.

Практики правовой субъективации представляют собой определенные правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается. Базируясь на практиках правосубъективации, человек «размещается» в нормативном пространстве. Сразу следует сказать, что практики правосубъективации недопустимо отождествлять с правовым поведением, которое в данном случае лишь производится из них. По сути, практики правосубъективации – это отношения человека (субъекта права) с самим собой «юридическим», или по поводу юридического. Это специфический тип отношения к себе, в котором человеком самому себе «высказывается» внутренняя позиция по поводу конкретной юридической ситуации, в которой он оказался. Это «высказывание» не является интеллектуальным определением правовой позиции, но оно определяется конститутивно, т. е. личностной конституцией человека, и в то же время тем самым воздействует на нее. Таким образом, правосубъективация как обращение на себя имеет конститутивный характер (и в этом ее отличие от классических внутренних правообразований – правосознания, вины и т. д.), поскольку в ней человек обращает на себя оценку юридического не рассудочно, а конститутивно – это обращение затрагивает сами личностные параметры «себя юридического», которые сцеплены с личностной конституцией и иден-

тичностью человека как такового. Именно в этом смысле следует вести речь о производстве субъекта права из правовой субъективации.

Практики правосубъективации как отношения с собой по поводу юридического разворачиваются в поле более широкого круга практик – практик себя в целом, которые уже без отношения к области юридического являются типом «возделывания» себя. Практика себя, забота о себе, *epimeleia heautou*, как ее описывает М. Фуко, выражает «во-первых, некоторую общую установку, определенный взгляд на вещи, способ поведения... во-вторых... это также некоторое особое направление внимания, взгляда, в-третьих... некие действия, такие, которые производят над самим собой, с помощью которых берут на себя заботу о себе» [9, с. 23]. Условно можно сказать, что это глубоко укорененная в человеке его личностная стратегия по осуществлению своей жизни. Жизнь, или, как ее называет М. Фуко, «техника жизни», в этом случае есть работа человека по преобразованию своей жизни в про-из-ведение, «которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля» [8, с. 280].

Практики себя, техники субъективации, задавая общий тип мышления, отношения, понимание человеком себя и мира в целом, безусловно, создают и контекстуальную среду разворачивания практик правосубъективации, т. е. отношения к себе по поводу конкретного юридического. В этом случае, учитывая конституирующий характер правовой субъективации для правового человека и ее обусловленность практиками себя в целом, практики правосубъективации могут характеризоваться как взаимодействие, диалог правового человека не только с самим собой, но и со значимым для него Другим, в качестве которого может выступать юридический дискурс как дискурсивная практика (но не как личностная практика себя), но могут выступать и иные конституирующие Другие.

Как мы уже сказали, фиксация правовой субъективации возможна лишь в неэссенциальном юридическом дискурсе, который работает с содержаниями, отвечающими за процесс субъективации. Ясно, что это содержания право-сознания, но, повторимся, не *cogito*-сознания, но сознания как поля антропологических проявлений. Сложная картина становления субъекта права здесь прослеживается через практики и тип конституирования. Задача неэссенциального юридического дискурса, таким образом, заключается в том, чтобы выявить и показать, каким образом происходит реальное становление субъекта права на основе анализа процесса его про-из-ведения из правового человека. Последний, в свою очередь, есть становящаяся в техниках себя и через юридические практики себя правовая субъективация, или правовая субъектность. Подчеркнем еще раз, что правовая субъективация как поле специально юридических антропопрактик разворачивается в социально значимом поле определенного эпистемического образования, которым выступает определенный набор господствующих в тот или иной период дискурсивных юридических практик. Именно ввиду наличия такой связи «дискурсивные юридические практики – правовая субъективация – субъект права» поведенческие модели, привносимые глобализацией, и влияют на национальное право.

Дискурс-анализ (анализ процесса правосубъективации) правового поступка в контексте практик себя дает возможность увидеть реального правового человека. Кроме того, он дает возможность зафиксировать те явления в праве, которые вызваны глобализацией правового пространства и доминированием потребления как антропопрактики. Выше мы уже говорили, что глобальная практика потребления распространяется в том числе и на право – право начинает потребляться. Право не реализуется, но потребляется как вещь. Злоупотребление правом, его присвоение, смещение правовых смыслов и их симуляция составляют современный эффект потребления права. С развитием технологий происходит все большее перемещение заданного правопорядка из нормативного пространства (заданные правовыми нормами правила поведения) в несубстанциальное поле правовой жизни (смыслонаполнение), в связи с чем возникает проблема создания методологических моделей субъекта права, способных зафиксировать его не только на нормативном, но и на энергийно-правовом уровне. Полагаем, что энергийно-правовой дискурс, в котором центральное место принадлежит правовому человеку как про-из-ведению реального субъекта права, способен справиться с данной задачей.

Таким образом, подведем итоги.

Воздействие глобализации на национальное право выражается не столько в изменении законодательства, введении новых правовых институтов, закреплении правовых статусов субъек-

ектов права, сколько в экспортировании новых типов антропопрактик, в том числе юридических антропопрактик, которые отвечают за реальный образ того субъекта права, который в итоге присутствует в национальном правовом пространстве.

При решении вопроса о включении национальной правовой системы в глобализационный поток и последующего за этим изменения законодательства, следовательно в первую очередь следует учитывать не юридическую эффективность предлагаемых правовых инноваций, не предлагаемые выгоды от нового статутного положения субъектов права, а именно тот тип правосубъективации, который имплицитно экспортируется вместе с правовой инновацией.

Не статичный, нормативно фиксированный, формально-юридический субъект права должен являться критерием эффективности правовой системы в данном обществе, а тип правовой субъективации, который является не чем иным, как способом произведения и помещения в пространство законодательства уже реально действующего субъекта права. Процесс произведения субъекта права фиксируется с помощью антропопрактик, которые культивирует общество, группа, тот или иной человек в пространстве юридического. Набор таких практик или техник субъективации в праве составляет определенную эпистемологическую модель – правовую субъективацию, или модель правового человека.

Модель правового человека в отличие от классической концепции субъекта права способна фиксировать в правовом пространстве изменения антропологического порядка. Это возможно посредством особого содержания и конфигурации новой модели правовой субъектности. Основное значение в ней принадлежит не нормативному образу субъекта, а типу личностного конституирования и идентификации, которые и отвечают за про-из-ведение субъекта права в правовое поле. Личностная конституция и идентичность, которые складываются на основании культивируемой человеком практики себя, в правовом поле определяют общий тип мышления, отношения, понимания человеком «себя юридического» и правовых явлений что соответственно задает направление правового поведения. Практика себя, в данном случае, хотя и не имеет прямого отношения к конституированию именно правового субъекта, тем не менее, включая в себя базовые экзистенциальные структуры, задает жизненную стратегию, видение, что оставляет отпечаток на поведении человека в целом.

Становление реального субъекта права, несмотря на то что оно осуществляется в поле разнообразных практик, в первую очередь по логике юридического сцеплено в основном с практиками вещного плана, т. е. с практиками потребления. Глобализация же, которая в основном и разворачивается как глобальная модель потребления, экспортирует такие практики правовой субъективации, которые ориентированы на правовой универсализм, антиэтатизм, аксиологический плюрализм и релятивизм – т. е. на все то, что делает потребление более доступным. Вместе с тем имплицитно глобализация задает жестко структурированную идеологему, в основе которой лежит диктат вышеуказанных универсалий, а также принципы нетерпимости к тенденциям локализации, следовательно традиционно выстроенным социальным системам. Национальное право, законодатель, таким образом, сталкиваются с проблемой адекватного ответа на вызовы глобализационных тенденций. Успешность их решения будет зависеть от того, насколько внимание будет обращено на новую модель правовой субъективации, которая приходит вместе с глобальным правовым порядком.

Библиографические ссылки

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М. : Культур. революция : Республика, 2006.
2. Голенков С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. «Философия. Филология». 2007. № 1.
3. Ладёр К.-Х. Теория аутопойезиса как подход, позволяющий лучше понять право постмодерна (от иерархии норм к гетерархии изменяющихся паттернов правовых интеротношений) // Изв. вузов. Правоведение. 2007. № 4.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
5. Смирнов А.Е. От субъекта – к существованию // Гуманитар. и соц.-экон. исслед. 2006. № 5.
6. Смирнов А.Е. Проблема идентичности и субъективации в современном обществознании // Там же. 2005. № 4.
7. Фуко М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью : пер. с фр. М. : Праксис, 2006. Ч. 3.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с фр. М. : Каспаль, 1996.

9. Фуко М. Герменевтика субъекта : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году : пер. с фр. СПб. : Наука, 2007.

10. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Время и бытие : ст. и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993.

11. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопр. философии. 2007. № 1.

12. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=9 (дата обращения: 11.05.2009).

13. Who comes after the subject? / [edited by] Eduardo Cavada, Peter Connor, Jean Luc Nancy : [Copyright] ; Printed in the USA. New York ; London : Routledge, 1991.

Дата поступления в редакцию: 22.09.2011

УДК 32.001(476)

Ф.В. Пекарский, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь;

Е.Н. Мазаник, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются вопросы, связанные с целевым назначением системы идеологической работы в рамках кадровой политики органов внутренних дел Республики Беларусь. Анализируются этапы формирования кадров как разновидности юридического процесса, влияние на них идеологической среды. Определяются функции, место, роль, задачи и приоритетные направления идеологической работы в кадровом обеспечении на современном этапе.

The problems related with the purpose of the ideological work in the framework of the personnel policy in the departments of the Interior of the Republic of Belarus are discussed in the article. The stages of staff formation as a form of legal process, the impact of the ideological environment on these stages are examined. The functions, place, role, objectives and priorities of the ideological work in the staffing at the current stage are defined.

Целями кадровой политики МВД Республики Беларусь являются формирование и развитие высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса ОВД, наиболее полно соответствующего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и иным условиям, эффективно решающего задачи, поставленные перед ОВД обществом и государством. Планомерное, последовательное и эффективное управление ОВД в современных условиях оказывается возможным только с опорой на системный подход и координацию усилий всех без исключения участников деятельности по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь.

В связи со сказанными вопросами первоочередного внимания, стоящими сегодня перед руководством системы МВД, оказываются: совершенствование организации работы по информационно-аналитическому обеспечению и сопровождению кадровой политики МВД; оптимизация моделей текущего и перспективного планирования служебной деятельности; контроль за исполнением приказов, решений коллегий МВД Республики Беларусь, поручений Совета безопасности и других органов государственного управления по вопросам работы с кадрами; выведение на качественно новый уровень работы по отбору, обучению и распределению кандидатов на службу в ОВД, формированию действенного высокопрофессионального резерва руководящих кадров, а также разработке мер по улучшению качественного состава кадров, совершенствованию системы их отбора, расстановке, закреплению на службе и содействию их последующему профессиональному становлению и развитию.

От того, насколько понимание содержания этих и иных важных организационных вопросов управления ОВД и кадрового обеспечения выступает надежной основой деятельности конкретных руководителей органов и подразделений внутренних дел, зависит общая эффективность функционирования всей системы обеспечения законности и правопорядка.

Идеология государства как таковая является непосредственным идейным фундаментом системы ОВД и внутренних войск как государственных органов обеспечения национальной безопасности, основой целостного воспитательного процесса, направленного на формирование социально зрелой личности, имеющей качества патриота, гражданина, труженика, семьянина, способного к реализации базовых компетенций [6].